

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-121

EDN PPHPOG

**Культурная память в монографии Чэнь Фукана
«История переводоведения в Китае»**

Гао Шаопин

Доктор филологических наук, доцент, Шанхайский университет иностранных языков. КНР, г. Шанхай

1615@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5837-0229>

Аннотация. В статье исследуется теория культурной памяти, выдвинутая немецким египтологом Яном Ассманом, и ее влияние на изучение культурных традиций Китая, с особым акцентом на развитие китайского переводоведения. В своей работе Ассман предложил разделение культурной памяти на теоретическую и практическую части, подчеркнув их роль в формировании национальной идентичности и сохранении культурных ценностей на протяжении веков. Эти теоретические положения становятся основой для анализа перевода как важного механизма передачи и сохранения культурных традиций. В качестве примера рассмотрена монография профессора Чэнь Фукана «История переводоведения в Китае», в которой автор систематизирует развитие переводческой практики в Китае с древних времен до современности. Чэнь Фукан анализирует переводческую деятельность через призму культурной памяти, рассматривая, как перевод служит инструментом сохранения и передачи знаний, а также как он способствует формированию и обновлению китайской культурной идентичности. В статье также выделены ключевые аспекты межкультурной коммуникации и межпоколенческого диалога, которые играют важную роль в сохранении культурной памяти. Особое внимание уделяется анализу личной и коллективной памяти, а также значению крупных исторических событий Китая, влияющих на формирование культурной идентичности. Автор подчеркивает, что процесс сохранения культурной памяти не ограничивается только традиционными методами, но также включает в себя перевод как механизм, который обновляет и переосмысляет культурные контексты в рамках современного общества. Цель статьи – анализ взаимосвязи культурной памяти и переводческой традиции Китая, исследование роли перевода в сохранении и обновлении культурной идентичности на протяжении истории.

Ключевые слова: культурная память; культурная идентичность; китайское переводоведение; межкультурная коммуникация; «История переводоведения в Китае»

Китае»; Чэнь Фукап, культурные особенности; духовные маркеры китайской нации; индивидуальная и коллективная культурная память; культурный ген

Для цитирования: Гао Шаопин Культурная память в монографии Чэнь Фукапна «История переводоведения в Китае» // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 121–134. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-121>. <https://elibrary.ru/PPHPOG>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

**Cultural memory in Chen Fukang's
monograph History of translation studies in China**

Gao Shaoping

Doctor of philological sciences, associate professor at Shanghai university of foreign languages. PRC, Shanghai

1615@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5837-0229>

Abstract. The article examines the theory of cultural memory put forward by the German Egyptologist Jan Assmann, and its impact on studying Chinese cultural traditions, focusing on the development of Chinese translation studies. In his work, Assman suggested dividing cultural memory into theoretical and practical parts, emphasizing their role in shaping national identity and preserving cultural values over the centuries. These theoretical provisions become the basis for the analysis of translation as an important mechanism for passing on and preserving cultural traditions. To illustrate, the author examines Professor Chen Fukang's monograph The History of Translation Studies in China, which provides a comprehensive overview of translation practices in China from antiquity to the present day. Chen Fukang analyzes translation work through the prism of cultural memory, examining how translation serves as a tool for preserving and transmitting knowledge, as well as how it contributes to shaping and changing Chinese cultural identity. The article also highlights key aspects of intercultural communication and intergenerational dialogue that play an important role in preserving cultural memory. Special attention is paid to the analysis of personal and collective memory, as well as to significant major historical events in China that influence the formation of cultural identity. The author emphasizes that maintaining cultural memory does not amount only to traditional methods, but also involves translation as a mechanism that updates and reconsiders cultural contexts within modern society. The aim of the article is to analyze the relationship between cultural memory and the Chinese translation tradition, to study the role of translation in preserving and reforming cultural identity throughout the history.

Key words: cultural memory; cultural identity; Chinese translation studies; intercultural communication; “History of Translation Studies in China”; Chen Fukang; cultural characteristics; spiritual markers of the Chinese nation; individual and collective cultural memory; cultural gene

For citation: Gao Shaoping Cultural Memory in Chen Fukang's monograph History of Translation Studies in China. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 121–134. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-121>. <https://elibrary.ru/PPHPOG>.

Введение

В современном мире культура, экономика и политика становятся все более взаимосвязанными, переплетаясь и взаимно дополняя друг друга. Национальная культура играет более важную роль в могуществе национального государства. Сила культуры обладает жизнеспособностью, творческим потенциалом и сплоченностью нации. «Глубинная жизнеспособность и исключительная креативность культуры, заложенные в самой культуре, являются важнейшими признаками процветания и развития страны и нации» [崔丽娜, 2012, с. 81]. А под культурной памятью понимается опыт поколений, накопленный в представлениях и понятиях, умениях, обычаях, традициях, нравах и остальных иных социальных установках. По мнению Я. Ассмана, культурная память является особым и значимым подходом к культурному наследию, она выступает в качестве способа регулировать взаимодействия народа в обществе и ее исследование предоставляет возможность для диалога представителей различных поколений и эпох. Анализируя характеристики теории культурной памяти, мы выясняем социальные и культурные особенности общества и нации, определяя самоидентификацию

народа с определенной языковой и культурной общностью. «Научно-исследовательская ориентация корректируется под влиянием новых концепций. Ценность исторического опыта заключается в том, что изучение и осмысление прошлого позволяет обновлять мировоззрение, отбрасывая устаревшее и утверждая новое» [刘宓庆, 2007, с. 61]. Социализация способствует формированию первичных представлений об окружающей реальности, помогает усвоить фундаментальные культурные коды.

В последние десятилетия возрастает научный интерес к изучению культурной памяти и переоценке ее ресурсного преобразовательного потенциала. В конце XX века культура стала называться «мягкой силой» в международной политике, причем «мягкая сила» страны может получить признание и расширение только в рамках международного сообщества. Некоторые ученые также полагают, что современный Китай уделяет все больше внимания строительству и развитию традиционной китайской культуры как своей «мягкой силы». «В данный особый исторический период, характеризующийся открытостью рынка, обновлением концепций, трансформацией общества и переосмыслением культуры,

формирование “мягкой силы” приобретает для Китая исключительно важное значение. Китай является единственной в мировой истории древней цивилизацией, непрерывно развивающейся с древности до наших дней. Китайская культура сформировала ее прошлое и неизбежно будет влиять на ее будущее» [张佩瑶, 2012, с. 115]. Известно, что перевод является одной из ключевых составляющих факторов развития мягкой силы. В историческом развитии Китая перевод буддийских канонов, а также переводы западных научно-технических достижений в конце эпохи Цин и начале периода Китайской Республики значительно способствовали прогрессу китайского общества. «Культурная память требует носителя, проявляющегося как медиум памяти, а медиум открывает пространственное поле культурной памяти» [刘振怡 魏宏宇, 2025, с. 142]. С ростом экономики Китая, такие фильмы как «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» («卧虎藏龙») и «Нэчжа» («哪吒») при помощи перевода пользуются большими успехами среди зрителей за рубежом. По состоянию на начало 2024 года китайский научно-фантастический роман «Задача трех тел» («三体») был переведен более чем на 40 языков, что сделало его одним из самых успешных литературных произведений Китая на мировой арене. Этот масштабный переводческий проект способствует не только популяризации китай-

ской научной фантастики, но и укреплению культурного влияния Китая в мире. Следует отметить, что фильм «Нэчжа 2» обошел «Звёздные войны» и вошел в топ-5 фильмов мира, действие которого разворачивается в мифологическом Китае примерно 35 столетий назад. «Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом, которые сворачиваются в символические фигуры, соединяющие множество частных воспоминаний о данном объекте или событии. По сути, для культурной памяти важна не фактическая история, а ее воссоздание – трансформация определения мифа» [Мунько, 2020, с. 113].

Теория культурной памяти обладает парадигмой, связывающей прошлое с настоящим, что позволяет переосмысливать прошлое и сохранять его актуальное значение [扬·阿斯曼, 金寿福, 黄晓晨译, 2015, с. 6]. Данное утверждение проявляется в том, что исторические события «перетягиваются» в настоящее и приобретают новый смысл, что подтверждается в фундаментальной работе профессора Чэнь Фукана «История переводоведения в Китае»: «Процесс человеческого мышления всегда детерминирован контекстом его существования» [冯友兰, 2004, с. 15].

Результаты исследования

Как отмечает сам автор в предисловии к монографии: «Развитие теории перевода представляет собой бесконечный процесс непре-

рывного углубления. Китайская теория перевода нуждается в обновлении и совершенствовании, но она может быть обновлена только на основе традиций и усовершенствована с учетом “исходной точки”. Кроме того, язык и письменность обладают наиболее национальными характеристиками, и теория перевода каждой страны глубоко укоренена в исторической структуре и специфической культурной почве своей родины, а китайская теория перевода тоже, естественно, несет в себе национальные особенности. Мы не можем перерезать исторические связи или стереть отпечаток нашей национальной специфики. Нам необходимо не только внедрять новые идеи, но и, что более важно, опираясь на уже достижения. Поэтому, чтобы проводить исследования в области перевода, повышать уровень теории перевода и добиться большего прогресса, сначала надо изучить историю китайской теории перевода, чтобы выявить ее «родословное древо» и прояснить ее «генеалогию» [陈福康, 2011, с. IV].

В главе о древнекитайских суждениях перевода своей книги автор исследует древние исторические материалы, связанные с взаимодействием между древнекитайскими племенами, а также между китайцами и другими народами, раскрывая культурную память и исторические факты, подтверждающие важность и древность переводческой деятельности. Чэнь Фу-

кан указывает, что «Еще во времена династии Ся предки китайцев, жившие в бассейне реки Хуанхэ, уже поддерживали связи с жителями районов Забайкалья и Минусинской котловины» [陈福康, 2011, с. 1]. Профессор в таких исторических источниках, как «Чуньцю фаньлу» (春秋繁露) Дун Чжуншу эпохи Западной Хань, «Шан шу» (尚书), «Ли цзи» (礼记), «Чжоу ли и шу» (周礼义疏), «Чуньцю Гулянь чжуань» (春秋谷梁传) и «Люйши чуньцю» (吕氏春秋), прослеживает истоки истории китайского перевода, особо подчеркивая связь прошлого с настоящим. Например, он упоминает записанную Конфуцием в «Чуньцю Гулянь чжуань» фразу: «Конфуций говорил, “Называть иностранную вещь нужно в соответствии с языком ее «владельца”... Более двух тысяч лет спустя, когда Чжоу Цзожэнь и другие обсуждали вопрос о транскрипции имен собственных, они по-прежнему без возражений принимали “название следует за владельцем” в качестве общего принципа, что свидетельствует о сильной жизнеспособности мысли Конфуция» [陈福康, 2011, с. 4]. Как говорит Н. П. Ильин, что нет памяти без субъекта памяти, а это значит, что каждый раз, когда мы слышим слово «память», мы имеем право спросить: «чья память?» [Ильин, 2017, с. 6].

Развитие переводоведения подвержено ограничениям и влиянию социально-экономических, культурных и политических факторов. Формирование переводоведения представляет собой длительный и сложный процесс развития, являющийся результатом взаимодействия исторических условий, экономических факторов и традиционной культуры в развитии нации и общества. Более того, переводоведение само по себе представляет академическую дисциплину, которая непрерывно совершенствуется и развивается в процессе практики межкультурного взаимодействия. Оно тесно связано с культурой и находится в постоянном процессе обновления, развития и взаимопроникновения. Как отмечается в книге: «Необходимо развивать социалистическую культуру, ориентированную на модернизацию, мировые тенденции и будущее, – национальную, научную и народную культуру» [杨凤城, 2012, с. 6].

Очевидно, что при первом издании автор подчеркивал – только укорененное в традиционной китайской культуре переводоведение способно к непрерывному инновационному развитию. Для развития и успешного взаимодействия с переводческими школами других стран необходимо перенимать достижения зарубежных исследований в данной области. Культурная память в истории переводоведения основывается на идеях и концепциях, возникающих в процессе перевод-

ческой деятельности, представляя собой стандарты, методы и теоретические поиски, стимулирующие развитие переводческой практики и повышению качества перевода. Культурная память в истории перевода – это наследие и воплощение культурных генов китайской цивилизации и эволюции. «Коллективная этническая память инкорпорируется в глубинные слои идентичности, формируя культурные гены» [陈兹, 2025, с. 100].

Культурный ген – это уникальный духовный идентификатор, формирующийся в процессе длительного исторического развития нации, чьи особенности глубоко отражают ценности, образ мышления и модели поведения народа. Рассматривая китайский культурный ген в монографии Чэнь Фукана с точки зрения теории культурной памяти, можно выделить *три аспекта*: основное содержание, институциональная культура и современное значение. В первой части содержится три аспекта. Во-первых, дух ритуальной системы, например, влияние книги «Чжоуские ритуалы» («周礼») и связанных с ними исторических текстов на развитие переводоведения и их практическое значение. Чэнь Фукан в своей книге отметил: «В книге “Ритуалы династии Чжоу и толкование канонических книг” (Чжоу Ли И Шу 周礼义疏) Цзя Гунъянь объяснил, что И (译 перевод) значит И (易 перемена, изменение), то есть И (易) означает

изменить слова, сделав их понятными для других» [陈福康, 2011, с. 3]. Чэнь указал, что именно Конфуций говорил, что «Называть иностранную вещь нужно в соответствии с языком ее “владельца”, а называть китайские предметы следует в соответствии с языком Чжунго» (名从主人, 物从中国) и «В Центральных равнинах Чжунго следует называть вещь на языке народа Чжунго, а в остальных местах на языке владельцев вещей» (名从中国, 名从主人) [陈福康, 2011, с. 4]. Во-вторых, философское мышление «золотой середины» (中庸之道), которое отличается от простого компромисса, подчеркивая динамический баланс и сочетая философскую идею «гармонии в многообразии» (和而不同). «Философская категория “хэ эр бу тун” раскрывает, что гармония (“хэ”) возникает не через гомогенизацию, а через диалектическое взаимодействие различий при сохранении многообразия» [郭佳, 2023, с. 19]. В-третьих, непрерывно обновляющееся мировоззрение, например, «Книга Перемен» («易经») и связанные с ней тексты, акцентирующие мудрость реформ «обновление путем отказа от устаревшего». С точки зрения институциональной культуры выделяется культура системы Императорских экзаменов Кэцзюй (科举), что влияет на развитие переводческой деятельности Китая. В своей монографии «История переводоведения в

Китае» Чэнь Фукан через призму культурной памяти показывает, что в истории переводоведения коллективная и индивидуальная культурная память переплетаются, взаимодействуют и взаимно обогащают друг друга в процессе динамического развития. История переводоведения – это не только история совершенствования и развития научной дисциплины в процессе международного обмена, но и героическая история борьбы китайских ученых, мыслителей и революционеров, а также личное осмысление автором исторических документов.

Мнение профессора соответствует суждениям Яна Ассмана, высказанным в книге «Пространство воспоминания»: «Когда представители тартуско-московской семиотической школы Юрий Лотман и Борис Успенский определяли культуру как “коллективную ненаследуемую память”, они подчеркивали зависимость культурной памяти от определенных практик и медиа. Такая память не передается автоматически, так как она требует постоянного переосмысления, утверждения, передачи и усвоения» [阿莱达·阿斯曼, 潘璐译, 2016, с. 11]. «Критерии отбора историографического материала в исследованиях по истории перевода детерминируются системой ценностных координат исследователя» [许钧, 2024, с. 2].

Чэнь Фукан, историк, в процессе написания данной книги проявил

выдающийся талант и проницательность. Как он сам отметил в книге, что важные критические замечания о Фэн Гуйфэне, представителях движения «Ян-У», Кан Ювэе, Чжан Юаньцзи, Гао Фэнцяне, Ло Чжэньюе, Ху Хуайчэне и Цзян Байли ранее не включались ни в сборники материалов по теории перевода, ни даже в библиографические списки по переводческой мысли. Кроме того, хотя работы некоторых теоретиков перевода и публиковались в отдельных сборниках, в них допускались серьезные упущения. Например, важные ранние статьи Чжан Шичжао о переводе и поздние работы Чжоу Цзожэня оставались неизвестными из-за публикации под псевдонимами, и лишь в данной книге они впервые были отмечены и их мнения о переводе изложены. Также автор впервые обратил внимание на значение для истории переводческой теории трактата эпохи правления Цяньлуна «Фань цин шо» (繙清说), обнаруженного совсем недавно.

Чэнь Фукан совершил ряд важных академических открытий об истории науки перевода в Китае, что имеет большое значение для современности и подтверждает суждение с точки зрения теории культурной памяти о ключевой роли личности в историческом процессе. В своей работе «История переводоведения в Китае» автор не только уделяет внимание исторической достоверности, но и выражает свою точку зрения. Например,

Чэнь Фукан отмечает, что «В настоящее время, обсуждая историю китайского перевода, мы обычно начинаем с эпохи Троецарствия. В то время в связи с процветанием перевода буддийских канонов, рассуждения о переводе, безусловно, превосходили высказывания Цицерона и Горация на Западе» [陈福康, 2011, с. 5]. Он также предлагает новую интерпретацию идей таких древних мудрецов и выдающихся деятелей, как Конфуций, Лао-цзы, монах Даоань, Сюаньцзан, Кумараджива, Янь Фу, Чжу Гуанцянь, Мао Дунь, Цянь Чжуншу, Фу Лэй и Цзян Чуньфан, подчеркивая их исключительную роль в развитии китайской науки о переводе.

Несомненно, обсуждения о переводе Янь Фу остаются предметом изучения по сей день, и его имя неизменно фигурирует в историографии перевода. Как отмечают исследователь, «его перевод “Теории эволюции” был избирательным и включал интерпретации, отличные от текста Гексли. Это объясняется его стремлением повлиять на элиту имперского Китая, пробудить в ней реформаторский дух во имя национального спасения» [朱安博, 2009, с. 49]. Личная культурная память в академической сфере иногда проявляется как уникальные индивидуальные взгляды, а иногда – как расхождения в точках зрения, что создает возможности для дальнейших исследований. Например, в истории перевода в Китае трактат «Бянь

Чжэн лунь» («О правильном переводе»), написанный Янь Цуном династии Суй, оказал значительное влияние. Однако оценки его вклада в теорию перевода остаются предметом напряженных дискуссий. Как полагает ученый Ло Синьчжан, «Бяньчжэн лунь» является первым в истории Китая специальным трактатом о переводоведении [傅惠生, 2011]. Признавая значимость труда Янь Цуна для переводоведения, профессор Чэнь Фукан пришел к выводу об отсутствии неопровержимых свидетельств авторства «Десять аспектов (Шитяо)» и «Восемь условий (Бабэй)» [陈福康, 2011, с. 24].

Чэнь Фукан акцентирует внимание на переводчиках различных профессиональных сфер, а не ограничивается лишь литературными. Данный подход представляет особый интерес. «Ранее в китайской теории перевода основное внимание уделялось лишь литературным переводчикам, тогда как прочие направления либо упоминались вскользь, либо полностью игнорировались» [方梦之, 2024, с. 7].

Кроме того, с позиции историка автор анализирует классические тексты китайской литературы и культуры, выявляя в них идеи, значимые для теории перевода. Сам процесс его работы представляет собой взаимодействие между индивидуальным сознанием и культурной памятью. Автор в качестве связующего звена между прошлым

и современной реальностью сохраняет и передает знания и опыт, накопленные предшествовавшими поколениями, последующим поколениям, тем самым формируя межпоколенческий диалог.

Французский социолог Морис Хальбвакс первым заметил, что индивидуальная память в значительной степени является и коллективной, так как народ в одной группе воспринимает масштабные события сходным образом. Вместе с тем с точки зрения культурной памяти коллективная память, как правило, передается тем, кто не был участником или очевидцем событий. Поражение Китая в войне с Японией (1894–1895) заставило китайцев переосмыслить свои взгляды. Стремясь укрепить страну, китайские ученые начали переводить японские книги о передовых западных технологиях на китайский язык, чтобы возродить государство. «Поражение в этой войне привело к унижительному “Симоносекскому договору”, который привел китайский народ к беспрецедентному тяжелому положению. Многогранные катастрофические последствия для китайского общества подробно описаны и проанализированы в многочисленных трудах по новой истории за последние десятилетия. Однако наряду с тяжелейшими потрясениями это поражение стало мощным идейным толчком, ускорившим трансформацию национального самосознания Китая, начавшуюся

ся еще после Опиумных войн» [陈旭麓, 2014, с. 153].

Например, летопись «Повесть временных лет» была создана в начале XII века на основе более древних записей, легенд и сказаний. А благодаря труду автора обрывается и передается коллективная память, что позволяет обществу осознать свою коллективную сущность, коллективные обычаи, традиции, ценности и символы, содействующими установлению связей между всеми членами общества. Такая связь создает собственную культурную идентичность.

Поэтому во второй главе своей книги Чэнь Фукан указывает, что в Китае появилось несколько политических влиятельных групп. Первая состояла из консерваторов, аристократов, феодалов-чиновников во главе с императрицей Цыси, Вожэнь, выступавших против новых реформ. Во вторую группу входили представители движения «Ян-У» как Цзэн Гофань, Ли Хунчжан, Чжан Чжидун и др., выступающие за «Китайское учение как основополагающий принцип, а западное учение для практического применения» (Чжунсюе вэйти Сисюэвэйюн, 中学为体, 西学为用). А третья группа – новаторская, ее сторонники, такие как Кан Ювэй, Лян Цичао, продвигали западные социально-политические и естественные науки для достижения конституционной монархии, политической реформы и модернизации. Позже революционеры Сунь Ятсен, Чжан Тайянь и т. д. – представите-

ли революционного движения, выступали за «изгнание татар, маньчжуров и др.» <....> За исключением нескольких крайне консервативно-настроенных членов первой группы, остальные представители в большей или меньшей степени признавали важность и необходимость переводческих работ и высказывали свои мысли по вопросам перевода» [陈福康, 2011, с. 57–58].

Особого внимания заслуживает то, что в монографии ярко продемонстрирована характерная особенность: развитие науки о переводе в Китае было тесно связано с политическим руководством разных эпох. Так, лидеры в начале периода нового Китая, такие как Чжоу Эньлай, Чэнь И, Лю Бочэн и др., выдвигали весьма влиятельные идеи, имеющие стратегическое значение для развития исследования науки о переводе. Будучи государственными руководителями, их взгляды обладали исключительной весомостью.

Это полностью согласуется с концепцией коллективной памяти в работе «Культурная память»: «Коллективная память всегда стоит на позициях реальной, живой социальной группы» [杨·阿斯曼, 金寿福 黄晓晨译, 2015, с. 40]. Переводческие концепции, предложенные государственными лидерами, не только оказывали огромное влияние, но и демонстрировали преемственность, сохраняя свою актуальность до наших дней. Как справедливо отмечается в «Культурной памяти»: «Для памяти существует мощный

стимул, проистекающий из потребности господства» [杨·阿斯曼, 金寿福 黄晓晨译, 2015, с. 70]. В данном контексте «господство» может быть интерпретировано как государственное управление.

Между культурной памятью и важнейшими историческими событиями существует тесная взаимосвязь. *Во-первых*, ключевые исторические события выступают элементами формирования культурной памяти. *Во-вторых*, они являются мощнейшей движущей силой для ускорения процесса общественного развития. *В-третьих*, такие события наполняют культурную память новым содержанием и смыслом.

В работе «История переводоведения в Китае» отражены значимые исторические вехи: перевод буддийских канонов, путешествие Сюаньцзана за священными текстами на Запад, Опиумные войны, движение Янь-у, Движение 4 мая, политика реформ и открытости КНР. Все эти события как способствовали прогрессу и развитию общества, так формировали и продолжают формировать культурную память. Например, деятельность сторонников модернизации (Янь-у) на рубеже династий Мин и Цин, а также массовая публикация академических статей на тему «О переводах» в период Китайской Республики стимулировали развитие философских, литературных, культурологических, эстетических и социологических аспектов китайского переводоведения.

Как отмечается в «Культурной памяти», исторические события и культурная память взаимно влияют друг на друга, развиваясь в тесном взаимодействии.

Заключение

Таким образом, в монографии Чэнь Фукана об истории переводоведения в Китае отражены характерные черты культурной памяти. В этом фундаментальном труде органично переплетаются индивидуальная культурная память автора, коллективная культурная память в различные исторические эпохи и знаковые общественно-исторические события, что формирует уникальные особенности развития китайской переводческой науки. Теория культурной памяти позволяет нам отчетливо проследить, как в истории китайского переводоведения неизменно присутствовал динамичный процесс: социальных трансформаций, взаимодействия западной и традиционной китайской культур, слияния иностранных технологий с традиционными концепциями государственного управления. Как отмечает ученый, «с региональной точки зрения, мы происходим из определенного народа, но в глобальном масштабе мы принадлежим всему миру» [孔明安 靳欢欢, 2024, с. 13].

Данная монография представляет собой не только значительный академический труд, но и убедительное подтверждение универсальной значимости теории культурной памяти. Проведя системный

анализ этого исследования по истории перевода, мы наблюдаем ключевую роль и глубокую научную ценность культурной памяти в процессе социального развития. «Наследование традиций, заим-

ствование зарубежных достижений и интеграция инноваций – единственно верный путь развития китайской теории перевода» [杨平 甘露, 2024, с. 2].

Библиографический список

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Ильин Н. П. Философские проблемы культурно-исторической памяти (часть 2) // Культурологический журнал. 2017. № 4 (30). С. 6–18.
3. Мунько А. В. Теория культурной памяти Я. Ассмана и формирование образа Чингисхана на приеме «Сокровенного сказания монголов» и «Романа о Чингисхане» Францисканской миссии и Карпини [J] / А. В. Мунько, О. В. Хазанов // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 113–119.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 24.03.2025).
5. 阿莱达·阿斯曼. 回忆空间：文化记忆的形式和变迁 [M]. 潘璐译, 北京：北京大学出版社, 2016.
6. 陈福康. 中国译学史 [M]. 上海：上海外语教育出版社, 2011.
7. 陈旭麓, 近代中国社会的新陈代谢 [M], 北京：中国人民大学出版社, 2014 ; 153.
8. 陈兹, 《史记》帝王谱系与中国早期文化记忆的重塑, 哈尔滨工业大学学报 [J], 2025 年 5 月 (第 27 卷第 3 期) : 100.
9. 崔丽娜, 从理论上关注当代中国文化的发展, 教学与研究 [J], 2012 (12) ; 81.
10. 方梦之, 跨类翻译家研究, 外语与翻译 [J], 2024 (4) : 7.
11. 冯友兰, 中国哲学简史 [M], 北京：新世界出版社, 2004 : 15.
12. 傅惠生, 彦琮《辩正论》对我国译论的历史贡献, 中国翻译 [J], 2011 (1) : 19.
13. 郭佳, 中华文明包容性与中非文明互鉴, 文学遗产 [J], 2023 (6) : 19.
14. 孔明安 靳欢欢, 民族精神的现代性重构与中国式现代化, 世界社会科学 [J], 2024 (6) : 13.
15. 刘宓庆, 文化翻译论纲 [M], 中国对外翻译出版公司, 2007 : 61.
16. 刘振怡, 魏宏宇, 回忆空间:文化记忆的空间审视, 学习与探索 [J], 2025 (3) : 142.
17. 许钧, 关于翻译史研究的几点思考, 外国语 [J], 2024 (1) : 2.
18. 扬·阿斯曼. 文化记忆：早期高级文化中的文字、回忆和政治身份 [M]. 金寿福, 黄晓晨译. 北京：北京大学出版社, 2015:6,40,70.
19. 杨凤城, 十六大以来中国共产党的文化发展观述论, 教学与研究 [J], 2012 (3) : 6.
20. 杨平 甘露, 对外话语体系建设视域下的中国翻译理论建构与翻译学科发展, 外语教学理论与实践 [J], 2024 (4) : 2.

21. 张佩瑶, 传统与现代之间: 中国译学研究新途径 [M], 长沙: 湖南人民出版社, 2012: 4.

22. 朱安博, 归化与异化: 中国文学翻译研究的百年流变 [M], 北京: 科学出版社, 2009: 49.

Reference list

1. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti = Cultural memory: writing, memory, and political identity in ancient high cultures / per. s nem. M. M. Sokol'skoj. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 s.

2. Il'in N. P. Filosofskie problemy kul'turno-istoricheskoy pamjati (chast' 2) = Philosophical problems of cultural and historical memory (part 2) // Kul'turologicheskij zhurnal. 2017. № 4 (30). S. 6–18.

3. Mun'ko A. V. Teorija kul'turnoj pamjati Ja. Assmana i formirovanie obraza Chingishana na prieme «Sokrovennogo skazanija mongolov» i «Romana o Chingishane» Franciskanskoj missii i Karpini [J] = Ya. Assman's theory of cultural memory and the formation of Genghis Khan image using the example of the “Secret Legend of the Mongols” and the “Novel about Genghis Khan” by the Franciscan Mission and Carpini [J] / A. V. Mun'ko, O. V. Hazanov // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2020. № 67. S. 113–119.

4. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' = Collective and historical memory. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (data obrashhenija: 24.03.2025).

2. 阿莱达·阿斯曼. 回忆空间: 文化记忆的形式和变迁 [M]. 潘璐译, 北京: 北京大学出版社, 2016.

3. 陈福康. 中国译学史 [M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2011.

4. 陈旭麓, 近代中国社会的新陈代谢 [M], 北京: 中国人民大学出版社, 2014: 153.

5. 陈兹, 《史记》帝王谱系与中国早期文化记忆的重塑, 哈尔滨工业大学学报 [J], 2025 年 5 月 (第 27 卷第 3 期): 100.

6. 崔丽娜, 从理论上关注当代中国文化的发展, 教学与研究 [J], 2012 (12): 81.

7. 方梦之, 跨类翻译家研究, 外语与翻译 [J], 2024 (4): 7.

8. 冯友兰, 中国哲学简史 [M], 北京: 新世界出版社, 2004: 15.

9. 傅惠生, 彦琮《辩正论》对我国译论的历史贡献, 中国翻译 [J], 2011 (1): 19.

10. 郭佳, 中华文明包容性与中非文明互鉴, 文学遗产 [J], 2023 (6): 19.

11. 孔明安 靳欢欢, 民族精神的现代性重构与中国式现代化, 世界社会科学 [J], 2024 (6): 13.

12. 刘宓庆, 文化翻译论纲 [M], 中国对外翻译出版公司, 2007: 61

13. 刘振怡, 魏宏宇, 回忆空间: 文化记忆的空间审视, 学习与探索 [J], 2025 (3): 142

14. 许钧, 关于翻译史研究的几点思考, 外国语 [J], 2024 (1): 2

15. 扬·阿斯曼. 文化记忆: 早期高级文化中的文字、回忆和政治身份 [M]. 金寿福, 黄晓晨译. 北京: 北京大学出版社, 2015: 6, 40, 70.

16. 杨凤城,十六大以来中国共产党的文化发展观述论, 教学与研究 [J] , 2012 (3) : 6.
17. 杨平 甘露, 对外话语体系建设视域下的中国翻译理论建构与翻译学科发展, 外语教学理论与实践 [J] , 2024 (4) : 2.
18. 张佩瑶, 传统与现代之间: 中国译学研究新途径 [M] , 长沙: 湖南人民出版社, 2012 : 4.
19. 朱安博, 归化与异化: 中国文学翻译研究的百年流变 [M] , 北京: 科学出版社, 2009 ; 49.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 26.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025